

Пролог

1979 год

ФИБИ, ТИЛТОН И ЭЙ-ДЖЕЙ

Итак, он в самом деле, взаправду уезжал. Вроде как родители ему велели. И хотя она уже знала, что он не будет им противиться, но еще лелеяла крупицу надежды, что произойдет чудо и он останется.

Но нет. Где-то между завтрашним утром и концом света отец увезет Тилтона О'Мэлли поступать в Университет Снобов и Толстосумов, но пока он принадлежал им — ей и Эй-Джею. Стоял очередной невыносимо жаркий августовский вечер, и они шатались по городу. Непривычно было видеть Тилтона в белой, хоть и помятой, рубашке, с ослабленным галстуком в красную полоску — предки в конце концов отпустили его с официальной вечеринки, которую устроили по случаю его отъезда, — но в остальном он выглядел как всегда: поддатый, обкуренный, раскрасневшийся и не в меру смешливый. Когда они шли посередине улицы, он то и дело игриво толкал бедром Фиби Маллен, пытаясь заставить девушку улыбнуться ему.

Она сделала даже больше: подняла руки над головой и стала танцевать фламенко — напевала мелодию, резко поворачивалась, отчего ее длинные волосы взлетали, и качала бедрами, задевая ими его друга Эй-Джея, и при этом вызывающе глядела на Тилтона, дразня его. Он вспыхнул и отвернулся.

Но, черт возьми, Тилтон заслужил такое пренебрежение. Это же надо: он даже не настоял, чтобы мать пригласила ее на вечеринку! Вот до чего дошло. Слюнтяй, тряпка!

И как только Фиби могла подумать, что он возьмет ее с собой?! Она-то мечтала, что он найдет квартиру для нее и ребенка (вернее, для детей — скоро родится второй) возле колледжа. Даже придумала, на что они станут жить: за питание Тилтона в университете будут платить его старики, а она сможет перебиться на бобах, рисе и макаронах. Естественно, он поселится в общежитии, но сможет приходить к ним по выходным и даже заниматься за кухонным столом. Что же касается денег, то, конечно, ей только семнадцать, но она начнет зарабатывать — нянчить на дому чужих детишек вместе со своими.

Сестра была права, называя Фиби идиоткой. Идиотка и есть! И все это знают. Строила планы, дура набитая, на что-то рассчитывала... Она взяла Эй-Джея под руку и с вызовом взглянула на Тилтона.

— Фиби, кончай выпендриваться! — воскликнул тот. — Это наш последний вечер! Давай повесели-и-имся!

Эй-Джей Барнс — тощий, непробиваемый, как танк, — согласился с другом и, высвободив руку, передал Тилтону косяк.

— Айда на бейсбольное поле! — воскликнул он. — Раздолбаем табло. Повеселимся на всю катушку!

И почему это пацанам обязательно нужно побить какие-нибудь лампочки?

Когда они пришли на поле, Тилтон первым делом сорвал ломом петли с двери сарая для инвентаря, а потом оба друга выбили дверь, бурно радуясь, что фанера под их ударами разлетелась в щепки.

С полок им на головы посыпались биты и мячи. Эй-Джей отскочил назад так быстро, что его ковбойская шляпа слетела на землю. Он тут же водрузил ее обратно.

И ради этого Фиби украдкой выскользнула из дома, оставив спящую розовощекую малышку с сестрой?! Но разве могла она не прийти? Ей хотелось сполна насладиться их последним с Тилтоном вечером, навсегда запечатлеть его в памяти. И даже потом, став знаменитой актрисой, вспоминать, не пропуская ни одного мгновения. А в том, что вечер прощальный, она уже не сомневалась.

В течение трех последних школьных лет Фиби, Эй-Джей и Тилтон по ночам потихоньку сбегали из дома и слонялись по городу, уворачиваясь от автомобильных фар и прячась от полицейских машин. Они веселились, курили травку, болтали, декламировали отрывки из комедий и передавали друг другу бутылки «Будвайзера», которые Эй-Джей таскал из заначки отчима. И это было лучшее время в жизни Фиби! Тилтон, в отличие от других парней, умел слушать, считал ее умной и симпатичной. Рядом с ним она забывала, что теперь у нее нет родителей и им с сестрой приходится жить в убогой, битком набитой людьми квартире. Рыжеволосая, веснушчатая, артистически эксцентричная, она вдруг приобрела уверенность в себе, уважение одноклассников, играла вместе с ним в школьных спектаклях, пела в хоре, была его девушкой.

И конечно, они занимались любовью. Прогнав Эй-Джея, приходили сюда, на поле, и уединялись под трибунами. Он называл это «бейсбольным сексом». Они могли совокупляться где угодно — за сценой в школьном актовом зале, в подъезде ее

многоквартирного дома, но его любимым местом был стоявший в гараже материнский БМВ (это Тилтон называл «суицидальным сексом», потому что, если бы мать их застукала, ему пришлось бы принести себя в жертву).

Но не сегодня. Нет-нет-нет. Сейчас, сидя на трибуне и наблюдая за не в меру жизнерадостным Тилтоном, Фиби чувствовала, как ее душит злоба. Внутри словно образовался сгусток ненависти по отношению ко всему на свете, включая эту рыжую землю под ногами и синие обшарпанные скамейки. Она с отвращением смотрела на нечесанные, светлые в лучах фонарей волосы бойфренда; ее раздражало, как он смеется и как выпячивает зад, замахиваясь битой. Она злилась и на себя — за то, что пила. Не стоило этого делать, хотя бы ради ребенка, но не сладкой тринадцатимесячной Кэт, спавшей в квартире сестры, а ради еще не рожденного малыша, который появится на свет уже после того, как Тилтона примут в его дурацкий колледж. Повинуясь этой всеобъемлющей ненависти, Фиби вскочила и будто со стороны услышала свой истошный хриплый крик:

— Давай, Тилти! Вдарь как следует!

Он устоял на нее сквозь темноту, и Фиби вообразила, что он видит белые звезды, которые она вышивала на своем черном плаще, каждой новой звездой отмечая их близость. Правда, иногда она сбивалась со счета, если встречи происходили очень часто.

Эй-Джей предупреждал ее, что этот день настанет. Еще в десятом классе.

«Знаешь, — сказал он тогда, — предки собираются устроить Тилтона в один из университетов

Лиги плюща. Ты ведь в курсе? С их точки зрения, мы с тобой неподходящая компания для их сыночка».

«Неправда, — возразила Фиби. — Его маме я нравлюсь».

«Дурочка ты. Это не значит, что она позволит ему жениться на тебе», — отрезал Эй-Джей.

Мяч прокатился по траве и остановился. Тилтон закричал Эй-Джею, чтобы тот подавал как надо.

— Давай я. — Фиби встала и, придерживая живот, вышла на поле.

Мяч описал изящную, безупречную дугу. Тилтон отбил его, послав назад по такой же красивой траектории, и засмеялся так, как иногда смеялся во время секса. Похоже, что сейчас его веселило все: глубокая ночь, белый мяч, подобно комете летящий над полем, то, что Фиби знала его как облупленного и могла сделать идеальную подачу.

Все трое проводили взглядом мяч, который врезался в табло, разбив лампочки, образующие букву «О». В ответ на это ближайшая патрульная машина включила сирену, и хулиганы, хохоча, рванули по тропинке к лесу.

Фиби, прикрыв живот с семимесячным ребенком внутри полами плаща, не отставала от парней. Наконец они остановились у большого дуба. Тилтон приблизился к ней вплотную и хрипло, захлебываясь словами, стал нашептывать на ухо, чтобы она не злилась, — он не хочет поступать в чертов колледж, это родители заставляют, она же знает. А он любит ее и, скорее всего, очень быстро вылетит, поскольку без нее некому будет делать за него задания, и тогда он сразу же вернется. Провалит первые экзамены и уже к Рождеству зайвится домой.

— Все ты врешь. — Фиби увернулась от его объятий, потому что невозможно было снова объяснять ему, что, раз он не хочет ехать, дело обстоит еще хуже: он позволяет помыкать собой.

Эй-Джей предложил махнуть на побережье и, как в старые добрые времена, накуриться, погоняться за волнами и посмотреть на светящиеся водоросли, которые выносило на песок. Тилтон сказал, что можно отправиться туда на материнском «бумере», но прежде тот надо умыкнуть из гаража.

— Поедем встречать рассвет, — добавил он.

— Ты как? — Эй-Джей встретился глазами с Фиби.

Она пожала плечами. Сгусток ненависти шепнул: «Да! Черт побери».

Фиби старалась не думать, что будет, если Кэт проснется и заплачет, а сестра обнаружит, что молодая мать слиняла, — ведь они договорились, что такое больше не повторится. «Хватит вешаться на шею этому парню! Посмотри на себя, уже второй ребенок на подходе. Боже мой, что с тобой будет!»

— Вот, это тебе. — Тилтон глубоко затынулся и, придерживая голову девушки, выпустил дым ей в рот. Потом просунул руки под плащ и погладил ее большой живот. — Привет, малыш, это твой папа, — проговорил он.

Фиби закрыла глаза. Было такое чувство, будто она барахтается, плывя против течения, почти тонет.

На прошлой неделе он сказал: «Когда я закончу колледж, мы поженимся. У нас будет много денег, и мы заведем еще детей». И Эй-Джей, сидя

рядом с ними, фыркнул и выразительно посмотрел на Фиби.

Ребята вытолкнули машину из гаража О'Мэлли, чтобы шум мотора не разбудил родителей Тилтона.

— Фиби, садись за руль, — шепотом приказал Тилтон. — Жми на сцепление, а мы подтолкнем.

Она посмотрела на него, но не смогла в темноте разглядеть его лица.

— Сможешь, Фиби?

Не отвечая, она осторожно опустилась на место водителя и погладила мягкие кожаные сиденья, на которых он так много раз любил ее. Эта машина всегда пахла деньгами.

— Слышишь меня? Выжми сцепление!

Автомобиль дернулся. Она резко вдавила педаль в пол, и мотор взревел. Как только парни, потные, смеющиеся, ввалились внутрь и захлопнули дверцы, Тилтон крикнул:

— Давай! Вперед!

Она старалась ехать медленно, но ему не терпелось:

— Быстрее! Черт, впереди машина! Дави на газ!

Вдруг Фиби чуть не выпустила руль из рук, ошарашенная неожиданно пришедшей ей в голову мыслью: что, если нам просто... сбежать из города? Сегодня! Уехать прямо сейчас! Наверняка эту идею Вселенная послала ей уже давно, но осенило Фиби только сейчас, как раз вовремя. Как она раньше не догадалась: сбежать! Можно прямо втроем. Они поедут на побережье и дальше — в Мэн, возможно в Канаду. Позже она позвонит сестре и договорится, чтобы та привезла к ним Кэт. Сестра будет рада передать девочку матери.

— Тилти, послушай... — начала Фиби.

Он посмотрел на нее, и ей показалось, что он увидел, как в ее душе не на жизнь, а на смерть сражаются ненависть и надежда.

— Детка, ты можешь ехать быстрее?! — Тилтон не дал ей договорить.

И вдруг раздался грохот, вслед за ним — оглушительный крик. Перед глазами завертелись яркие огни, а потом словно кто-то выдернул гигантский шнур электропитания, соединяющий ее с миром, — все погасло...

Глава первая

Тридцать пять лет спустя

НИНА

Наутро после похорон матери, прежде, чем я сняла постельное белье с ее кровати, и раньше, чем поняла, смогу ли без нее жить, я вошла в кухню, достала из холодильника пятнадцать блюд с запеканками, по очереди выскребла их заплесневелое содержимое, вынесла всю эту кашу на задний двор и вывалила на снег.

Это был самый радостный момент за несколько недель. Даже месяцев.

Сочувствующие люди приносят еду в дом умирающего как знак соболезнования. Среди моих близких считается великим грехом отказываться от этой традиции, и я была благодарна им за подношения. Но мы не могли всего этого съесть, и теперь громоздившиеся в холодильнике пирамиды из «обиженных» запеканок словно бы молчаливо обвиняли меня в пренебрежении.

Я стояла во дворе под синим февральским небом и смотрела, как макароны, ветчина, лунная фасоль, кусочки тыквы и неопределенная красная субстанция падают в сугроб и создают абстрактную живописную композицию. Одно маленькое желтое блюдо выскользнуло у меня из рук, отскочило от перил крыльца, упало на лед возле